

Чэн Цзицин ощутила себя так, будто её полоснули по сердцу тем взглядом, и мысленно подумала: неужели той не нравится обращение «госпожа Цинь»?

Но ей следовало бы радоваться, что сейчас «Цинь Юйфу» не проявила чересчур бурной реакции...

По крайней мере, можно попытаться продолжить диалог.

Она сменила обращение.

— Ты как себя чувствуешь? — осторожно спросила Чэн Цзицин.

Бай Синь прикусила кончиком зубов язык, и в её глазах стало ещё холоднее.

Она повторила по слогам:

— Себ-я-х-о-ро-шо-чу-вст-ву-е-шь?

Голос прозвучал тихо, хрипло и хрупко.

Но тон был ледяным и зловещим — таким, что человека хотелось сперва убить, а потом скормить собакам.

Чэн Цзицин на мгновение умолкла. И правда: окажись она на её месте — похищенной, накачанной наркотиками, подвергшейся... разве чувствовала бы она себя хорошо?

— Вы заодно?

Бай Синь бросила тень подозрения абсолютно на всех.

В голове Чэн Цзицин совершенно неожиданно промелькнула мысль: а что, если в имени «Цинь Юйфу» кроется какой-то иной подтекст?

Только что на балконе света было достаточно, и Чэн Цзицин заметила на шее «Цинь Юйфу» чуть затянувшиеся следы от укусов — кожа была содрана её собственными зубами. К тому же на талии и ногах женщины тоже виднелись следы грубого, излишне сильного воздействия.

— Ты как себя чувствуешь?

— Сама не понимаешь, в каком ты положении?

Сделав вид, что не замечает этого скрытого подтекста, Чэн Цзицин мягко произнесла:

— Я к тому, что тебе нужно в больницу? У тебя шея... болит?

Бай Синь наконец снова заговорила.

Слушая вопрос Чэн Цзицин, она окинула её холодным, оценивающим взглядом.

Тем самым наркотиком, что пробуждает страсть.

Количество альф составляло всего 0,01% от населения.

Конечно, теперь Чэн Цзицин тоже это знала.

Здесь бэты составляли большинство, но их уровень был относительно низким — по сути, это были обычные люди из её прежнего мира, с той лишь разницей, что в генах бэт крайне редко рождались высокопоставленные альфы или омеги.

В физиологическом строении альф и омег имелся дополнительный половой признак: помимо обычных органов, у них была железа.

Тонкие пальцы Бай Синь под одеялом чуть сжались в кулаки, вспоминая всё, что произошло вчера...

А её прежнее тело — то есть она сама теперь — было редким альфой S-класса. Это являлось одной из тех опор, благодаря которым прежняя хозяйка тела могла бесчинствовать наотмашь.

Насколько именно всё запущено, Чэн Цзицин пока не до конца понимала.

Прежняя владелица тела была хороша во всём, за что ни возьмись — вплоть до уголовщины. Взгляд Чэн Цзицин невольно скользнул к багрово-синим следам на шее женщины.

Такой уровень в этом мире был почти легендой. Говорили, что половые признаки омег класса SSS обладают совершенно особой спецификой.

Даже если взять кажущуюся безобидной Цинь Юйфу... Чэн Цзицин ни за что бы не поверила. Перед посторонними та скрывала статус омеги под маской альфы, и Цинь Юйфу прекрасно об этом знала.

Что же до этой хрупкой женщины, она, без сомнений, была омегой.

Та смотрела на Чэн Цзицин, и в этом взгляде не было ничего от прежней манеры поведения Чэн Цзицин.

Либо существовала ещё одна вероятность: её накачали наркотиками именно потому, что знали обо всём заранее.

Если говорить об АВО, всё человечество делилось на три основные категории: альфы, омеги и бэты.

Всё это — неопровержимые улики её бесправных выходов.

Она спрашивала вполне искренне.

А в более детальном делении насчитывалось шесть полов.

Конечно, люди не меняются в одночасье, если только у них нет иной цели.

В её голосе всё ещё слышалась хрипотца, во взгляде не читалось никаких эмоций. Она не устраивала истерик, а лишь прошупывала почву.

Потому что, согласно природе взаимоотношений АВО, омеги сами по себе легко поддаются влиянию феромонов альфы. Что уж говорить об омеге, насильственно вогнанной в период течки с помощью препаратов, которая оказалась лицом к лицу с бушующим альфой в период гона, способным лишь напролом крушить всё вокруг.

Альфы способны метить омег независимо от их пола.

Вспомнив вчерашние безумства и беспорядочную возню, Чэн Цзицин слегка покраснела. Не будь ситуация столь щекотливой, она бы с радостью извинилась за свою неопытность.

Кто же в конце концов её подставил? Пожалуй, подозревать можно было каждого.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее крепились подозрения: повторение её вопроса женщиной могло быть одновременно и презрением к её грязному поступку, и насмешкой над её возможностями и техникой.

Всё её тело ныло, бледное межбровье слегка хмурилось, а вчерашний румянец сошел с лица, сменившись бледностью и слабостью.

Омеги же встречались реже всего и были самыми уникальными, поскольку помимо рангов D, C, B, A, S и SS существовал ещё один — крайне редкий класс SSS.

Проще говоря, эту омегу прошлой ночью она обидела очень сильно.

Примененный вчера прежней хозяйкой препарат, попав в организм, стимулировал период гона у альф и течку у омег, причём на омег он действовал куда сильнее.

После того как прежняя хозяйка привезла главную героиню на виллу, она ввела стимулятор феромонов и себе, и ей.

Потому что знала: для этой женщины всё тоже происходит впервые.

Вокруг не было ни единого человека, которому можно было бы доверять.

Её собственное помутившееся рассудок вчера наверняка объяснялся действием этой же дряни.

Сейчас она сама ничего особенного не чувствовала, но вот в каком состоянии находилась омега на кровати, она была не уверена.

Началось всё с сообщения от Цинь Юйфу, которая сообщила о проблемах на стройке и попросила встретиться неподалеку, продолжилось водой, которую ей дала третья по старшинству Бай Синсин, и завершилось у входа в оговоренную виллу, где у неё отняли ноги, ей завязали глаза и сделали укол.

И при этом — сохранить такую невозмутимость после всего пережитого.

Чэн Цзицин увидела в её глазах странные, но увядающие стебли лиан; она не понимала, откуда взялось это ощущение внутреннего противоречия.

До того абсурдное, что у неё даже проснулась капля жалости.

Если говорить о тех, кто «заодно»... строго говоря, это действительно дело рук целой шайки.

Шайки подонков, куда входила и прежняя владелица тела.

Но сейчас во всём этом, по крайней мере в данной ситуации, было невозможно разобраться.

Чэн Цзицин произнесла:

— Что случилось, то случилось. Как бы я ни оправдывалась — всё будет пустой болтовней. Я не знаю, как перед тобой загладить вину, да и любая компенсация сейчас бессмысленна.

Бай Синь:

— ...

У этой девки явно не все дома: сама всё выложила и сидит.

Чэн Цзицин продолжила:

— Как по твоему, во что это выльется? Я согласна на любые твои условия.

И пусть семена посадила не она, пожинать плоды пришлось ей.

Она лишь надеялась, что в будущем, когда главная героиня вместе со своей бывшей женой-злодейкой решат её прикончить, те вспомнят о ночи любви.

Если, конечно, у неё останется такой шанс...

В конце концов, умирать ей действительно не хотелось, к тому же в этой истории она была невиновна до мозга костей.

Вспоминая о том, как она, Чэн Цзицин, честно и усердно прожила свои двадцать восемь лет, как с таким трудом пробилась к званию кинозвезды, но так и не успела довести завистников-соперников до инфаркта; как не успела потискать новенького котенка; как не пожила в новой квартире — и главное, как перед самым сносом старого дома её состояние должно было перевалить за сто миллионов, но она не успела потратить ни единого юаня!

Её, совершенно к этому не готовую, просто швырнули на страницы романа.

И отвели роль пушечного мяса, презренного подонка из чьих-то хейтерских фанфиков.

Разве не горько?

Глядя на виноватое и страдальческое лицо Чэн Цзицин — словно не она здесь творила бесчинства, а её саму заставили, — Бай Синь прищурилась:

— Зря ты в актрисы подалась, без сцены пропадаешь.

Подобные похвалы Чэн Цзицин слышала часто и машинально ответила:

— Спасибо.

Бай Синь:

— ...

Чэн Цзицин:

— ...Спасибо, что вообще согласна со мной разговаривать.

Соображала она быстро.

Услышав вторую фразу, Бай Синь холодно усмехнулась.

У омеги была потрясающая внешность: персиковые глаза с чуть удлинёнными внешними уголками придавали лицу нежный и чарующий вид даже тогда, когда она не улыбалась.

Когда же уголки её губ изогнулись в холодной усмешке, под левой щекой проявилась мягкая ямочка.

Это придавало её холодному выражению лица опасную, сладкую притягательность.

Чэн Цзицин снова уловила слабый аромат лилий. Разве феромоны омег всегда пахнут так приятно? Во рту у неё почему-то пересохло.

После столь близкого контакта она воспринимала запах омеги как нечто сугубо интимное, а потому инстинктивно отступила на крошечный шаг назад.

Чэн Цзицин посмотрела на слегка потрескавшиеся розовые губы омеги.

— Я сначала принесу тебе стакан воды, а потом поговорим.

С этими словами она повернулась.

В ушах внезапно раздался резкий звон!

И тут в её голове промелькнула фраза: Совет на выживание: помешай злодейке озлобиться до конца и заверши собственное искупление.

С некоторым запозданием она вспомнила, что это, кажется, был её сегодняшний ночной кошмар.

Впрочем, из всего сна в памяти осталось только это предложение.

Чэн Цзицин поморщилась — с чего вдруг среди бела дня вспоминать ночные бредни?

Она не придавала этому особого значения и уже собиралась направиться к кулеру.

И ровно в этот миг.

Острая чуткость альфы S-класса к опасности дала о себе знать!

Чэн Цзицин инстинктивно подалась вбок, уворачиваясь, и в следующую секунду стоявший впереди стеклянный журнальный столик со звоном разлетелся от удара о летящую вазу — осколки стекла и керамики брызнули по ковру.

Сердце её тяжело ухнуло вниз, и она наотмашь перехватила руку омеги, попытавшейся нанести повторный удар.

Если не считать зажатой в пальцах женщины острой канцелярской ручки, эта рука казалась ей совершеннейшей хрупкой ветостью.

И тем не менее она испытала шок.

Когда она переносила омегу на кровать, одежды на той не осталось, так что сейчас «Цинь Юйфу» была абсолютно обнажена.

Несмотря на это, «Цинь Юйфу» всё же атаковала.

Влепись эта ваза ей в голову, всё закончилось бы вовсе не парой царапин.

Та явно намеревалась покончить с ней всерьёз.

— Ты с ума сошла, так калечить?! — Чэн Цзицин уже было не до нежностей; она первым делом отбросила ручку подальше.

Бай Синь и не думала останавливаться. Раз первая атака сорвалась, альфа после такого точно её не пощадит. Проявлять слабость уже поздно.

К сожалению, Бай Синь всё же недооценила силу Чэн Цзицин.

Она попыталась нанести финальный удар коленом, но Чэн Цзицин легко перехватила и эту

ногу.

Одной рукой удерживая запястье Бай Синь, а другой — её ногу, обе потеряли равновесие и, словно опрокинутые огромной волной обломки корабля, рухнули на пол...

Звук тела, шмякнувшегося на ковер, оказался глухим.

Но от этого не менее болезненным.

Прошлой ночью Чэн Цзицин сама познала прелесть падений на этот пол, и спина до сих пор отзывалась тупой болью.

Вероятно, именно поэтому, падая вместе с омегой, она первым делом подумала о том, что «Цинь Юйфу» такая хрупкая, ей наверняка будет больнее.

Вторым же было осознание того, что ситуация развивается куда сложнее, чем прежде.

Сама Чэн Цзицин была в серых спортивных штанах, а вот та, кого она удерживала, оказалась совершенно голой. Аромат лилий сочился из каждой поры на её белоснежной коже, и рука Чэн Цзицин невольно сжалась сильнее.

Ей никогда прежде запах лилий не казался столь восхитительным, язык невольно овеял губы...

Но Чэн Цзицин не смела разжимать пальцы, опасаясь схлопотать новый удар.

Она заставила себя смотреть исключительно в глаза омеге, мысленно накинув цензуру на всё, что находилось ниже шеи.

— Чего ты такая злая?

Чэн Цзицин заглянула в холодные, как озерная гладь, глаза напротив: — Ладно, ты имеешь право злиться.

У той не было причин относиться к ней мягко.

— Если я сейчас тебя отпущу, — произнесла Чэн Цзицин, — ты сможешь пообещать, что не будешь драться?

Бай Синь посмотрела на неё пару секунд и чуть разлепила губы:

— Могу.

Ответ прозвучал почти без раздумий.

— Врёшь? — усомнилась Чэн Цзицин. — Вот если бы ты подумала хотя бы секунды три, я бы поверила.

Бай Синь:

— ...

Грудь Бай Синь тяжело вздымалась, она разозлилась еще сильнее.

На самом деле Бай Синь сейчас действительно не могла драться. Они с Чэн Цзицин находились в точно таком же положении, как и прошлой ночью, с той лишь разницей, что теперь их позы зеркально отражали вчерашние.

А её собственное тело при тесном соприкосновении с Чэн Цзицин вновь выдавало ту же самую реакцию, что и накануне.

К тому же... от Чэн Цзицин исходил уникальный винный аромат, в который был примешан какой-то незнакомый ей цветочный запах. Она не могла его распознать, чувствуя лишь, как феромоны альфы то обретают агрессивную напористость, то становятся мягкими.

Силы полностью оставили Бай Синь, тело превратилось в бесформенную лужицу воды — как она могла сопротивляться дальше?

Чэн Цзицин пока ещё не освоилась с особенностями АВО и даже не подумала о том, что причиной всему была течка Бай Синь; единственным ощущением оставалось то, что прижатая к ней женщина пылала, как в лихорадке.

Ноги омеги судорожно сжались, словно раковина улитки, втягивающаяся внутрь.

В шоу-бизнесе за Чэн Цзицин закрепился образ неприступной снежной королевы; злопыхатели поговаривали, что она просто ломается, но на самом деле до сих пор её это всё ни капли не волновало.

Однако как бы равнодушна она ни была, в конце концов, она оставалась женщиной со своими желаниями и прекрасно понимала, чем вызвано такое движение.

Кончики ушей Чэн Цзицин запылали. Стоило ей немного сместиться, как омега сквозь

стиснутые зубы зло и дрожащим голосом бросила:

— Встань!

Та оказалась до крайности чувственна.

В этот момент в голове Чэн Цзицин сработала чертовски неуместная мысль.

— Я встану, только ты больше не дерись, ладно?

— ...

Не сводя прямого взгляда с глаз омеги, Чэн Цзицин осторожно разжала пальцы и, сама того не замечая, украдкой скользнула взглядом по её щеке.

Когда та только что улыбалась, ямочка выглядела очень мило.

Ямочка...

Ямочка?!

Ямочка?!

«Она не могла пошевелиться и лишь смотрела, как Бай Синь поднимает окровавленный скальпель, её губы трогает зловещая улыбка, а на левой щеке проступает неглубокая ямочка — в этот миг она походила на демонического духа из преисподней, заносящего косу за её душой. — «Дикое возмездие»»

Глаза Чэн Цзицин округлились, и внезапно до неё дошло, что такое озарение свыше.

Судя по её памяти на сюжет романа, автор описал ямочку на щеке лишь у одного персонажа.

Главной злодейки, безумной красавицы-бывшей жены, Бай Синь.

Сестрицы Бай.

Чэн Цзицин почувствовала, как её жизнь стремительно покидает тело.

Если бы речь шла о метке главной героини — приложив усилия и пытаясь быть хорошим

человеком, ещё можно было надеяться на выживание, то с меткой Бай Синь всё описывалось ровно четырьмя иероглифами.

Спасения не будет.

Конечно, даже если дело обстояло так, сдаваться на милость победителя и позволять разделять себя как рыбу она не собиралась.

Чэн Цзицин всё же теплила в душе крошечную надежду: а вдруг это вовсе не Бай Синь?

В романе такого не было написано.

Вдруг главная героиня за два дня отрастила себе ещё одну ямочку?

Чэн Цзицин восхищалась сама собой за то, что была способна шутить в такой момент. Её рука вновь опустилась на запястье омеги.

Правда, на этот раз — совсем легко.

Спросить напрямую, не Бай Синь ли она часом, было бы верхом глупости.

— Госпожа Бай, давай я тебя отпущу, и мы поговорим? — предложила Чэн Цзицин.

Железа Бай Синь уже почти не выдерживала напряжения, остатки хладнокровия испарились, и она процедила сквозь зубы:

— Ладно. О чём говорить?

Чэн Цзицин:

— ...

Вот попадалово.

—

Автор пишет:

Чэн Чэн: О любви! (нет)

<http://bllate.org/book/21912/2276378>